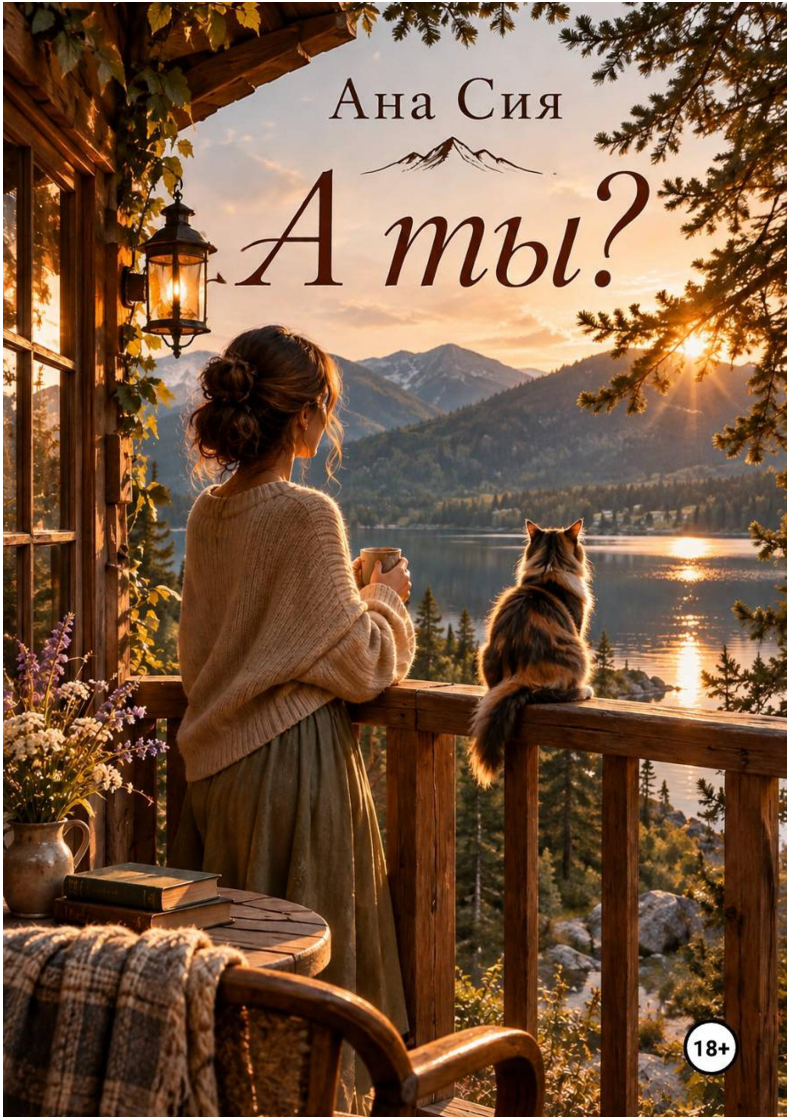

Ана Сия
А ты?
18+

Ана Сия
А ты?

https://litres.ru/74792689
SelfPub; 2026

Аннотация

В тридцать восемь лет Алёна решает начать всё сначала. Оставив привычную жизнь в Москве, она переезжает на Алтай, в деревянный дом среди леса, на берегу озера.

Она мечтает заниматься любимым делом, встречать рассветы, наслаждаться тишиной и наконец жить в собственном ритме. Но у судьбы на это лето совсем другие планы.

Один за другим в её гостевом домике появляются люди. Каждый со своей историей, своими надеждами, страхами и невысказанными желаниями. Вместе им предстоит пережить маленькие приключения, открыть красоту обыкновенных вещей, вспомнить забытые мечты и, возможно, вновь поверить в любовь.

Четыре месяца. Четыре удивительные встречи. И целая жизнь, которая может измениться благодаря одному простому вопросу.

А ты? Чего хочешь ты?

Ана Сия
А ты?

А ТЫ?
Роман

ПРОЛОГ
Неужели это всё?

В девять сорок семь вечера принтер зажевал последнюю страницу договора.

Алёна нажала кнопку отмены и открыла крышку. Угол страницы застрял между роликами.

— Да что ж такое… — выдохнула она.

Она осторожно вытянула лист и расправила его ладонью. Поперёк текста тянулась серая полоса. Хорошо хоть не с подписью. Договор нужен был к утру понедельника, но руководитель распорядился отправить его ещё сегодня. Почему на согласование документ попал только после обеда, в письме не уточнялось.

В отделе, кроме Алёны, оставалась только уборщица. За стеклянной перегородкой темнели выключенные мониторы, на столах сиротливо стояли кружки, а в переговорной кто-то забыл пиджак. Офис выглядел так, словно день закончился много часов назад. Впрочем, для большинства людей так и

было.

Телефон завибрировал. На экране высветилось сообщение от начальницы: «Алён, получилось? Очень надо сегодня».

«Почти», — написала она.

Посмотрела на слово. Стёрла.

«Да, через десять минут отправлю».

Почему «да»? Почему через десять? Она ещё не проверила приложения, а принтер только что объявил ей войну. Можно было написать, что пришлёт утром. Можно было напомнить, что её рабочий день давно закончился. Можно было хотя бы не обещать невозможного.

Алёна вставила новый лист.

За день она сверила три версии договора, исправила чужие опечатки, нашла пропущенное приложение и дважды объяснила, почему нельзя просто поменять дату в документе, который уже согласовали пять подразделений. Последний разговор происходил на совещании. Руководитель говорил у экрана в дальнем конце переговорной, перебивая вопросы коллег, и Алёна не разобрала формулировку одного из пунктов.

— Простите, повторите, пожалуйста, последнее, — попросила она.

Он повторил начало фразы, но кто-то из коллег тут же вступил в разговор.

Алёна записала только то, в чём была уверена, а после со-

вещания попросила коллегу уточнить формулировку.

Она с детства жила с нарушением слуха. Со слуховыми аппаратами иногда было проще, но в офисном гуле они не превращали слова в ясную речь, зато щедро добавляли к ним скрип стульев, звон чашек и разговоры за соседней перегородкой. Сегодня аппараты лежали дома в футляре. Алёна давно выработала собственный способ справляться с такими ситуациями: переспрашивать, если нужно, следить за лицом собеседника, догадываться по контексту.

Последний лист наконец распечатался как следует.

Алёна проверила нумерацию, собрала документы, отсканировала подписанные страницы и отправила письмо. На часах было без пяти десять. Начальница ответила почти мгновенно: «Спасибо! Выручила».

И всё.

Ни вопроса, как она доберётся домой, ни разговора о переработке. Алёна и не ждала. В понедельник появятся новые письма, и про сегодняшний договор никто уже не вспомнит.

Она выключила компьютер и наконец заметила свою чашку. Отпила остывшего кофе, поморщилась и вылила остатки в раковину.

В лифте она долго смотрела на своё отражение в тёмном зеркале. Потом поправила воротник пальто, хотя он и без того лежал ровно.

На улице пахло мокрым асфальтом. Ноябрьский ветер забирался под шарф, люди спешили к метро, машины подолгу

стояли на светофоре. Москва не собиралась ложиться спать только потому, что Алёна устала.

До дома оставалось почти два часа дороги.

В вагоне метро она села у двери и достала телефон.

В общем чате коллег обсуждали поездку на январские праздники. Кто-то предлагал загородный отель с бассейном, кто-то — билеты на самолёт. Под фотографиями красивых номеров уже набралось несколько десятков сообщений.

«Как идея?» — спрашивали её.

Алёна начала печатать: «Классно, я за».

Пальцы остановились.

Она открыла банковское приложение. До зарплаты оставалось больше недели, в списке расходов значились коммунальные платежи, корм для кошки и оплата курса, который она давно хотела пройти. На поездку денег не было. Точнее, можно было наскрести, если опять отложить то, что для неё самой было важно.

«Идея отличная, но я в этот раз пропущу. Сейчас другие планы на деньги», — написала она.

Отправила и положила телефон на колени.

Некоторое время ей казалось, что нужно добавить объяснение. Подробное, с цифрами. Чтобы никто не решил, будто она жадная, скучная или просто не хочет проводить время с коллективом.

Она снова взяла телефон, перечитала сообщение и убрала его в сумку.

На следующей станции в вагон вошла девушка с огромным букетом оранжевых хризантем. Она осторожно протискивалась между людьми, стараясь никого не задеть мокрыми листьями. Мужчина у двери приподнял сумку, освобождая ей место, и девушка благодарно улыбнулась.

Алёна задержала взгляд на цветах. Надо же. Кто-то сегодня возвращался домой с букетом. У кого-то был день рождения. Или свидание. Или, возможно, человек просто решил купить себе цветы по дороге с работы.

Она представила, как ставит такой букет на собственный кухонный стол. Яркий, нелепо большой, совсем не подходящий к её маленькой вазе.

«Куда мне его ставить?» — подумала она и вдруг рассердилась на себя. Даже цветы в воображении пришлось немедленно вписывать в практическую задачу.

Телефон снова завибрировал. Ответила коллега: «Ну как знаешь».

Алёна убрала его в сумку.

За окном скользила чёрная стенка тоннеля. В отражении поверх неё проступало усталое лицо женщины в тёмном пальто. Она смотрела куда-то вперёд и казалась себе незнакомой.

Когда-то Алёна любила ехать по городу без цели. Выходить на случайной станции, бродить по незнакомым улицам, выбирать кафе по тому, как падал свет в окна. Иногда она часами рассматривала афиши и могла купить билет в театр

просто потому, что понравилось название спектакля.

Когда это было в последний раз?

Она попробовала вспомнить. В июне? Нет, летом она дважды выходила в выходные только за продуктами. Весной была выставка, на которую она собиралась с подругой, но та отменила встречу. Алёна тоже не пошла. Почему-то показалось странным идти одной.

Над дверями вагона сменялись названия станций.

В приложении для заметок у неё хранился длинный список: записаться на растяжку, сходить на урок сёрфинга, научиться готовить рамен, съездить туда, где можно просыпаться с видом на море. Внизу была ссылка на занятие, добавленная почти год назад.

Алёна открыла её. Занятие давно прошло.

Она закрыла заметки.

Дверь квартиры открылась с привычным щелчком. Из темноты коридора появилась Муся, внимательно посмотрела на хозяйку и подала голос.

— Привет, Мусь, — сказала Алёна, снимая обувь.

Кошка потёрлась о её щиколотку и направилась на кухню, явно не считая разговор завершённым.

Алёна сняла пальто. Возле шкафа стояла спортивная сумка — собранная ещё в понедельник. Внутри лежали кроссовки, чистая футболка и бутылка воды. В понедельник она не успела на тренировку из-за совещания. Во вторник слишком поздно вышла с работы. В среду разболелась голова. В

четверг хотела пойти, но подумала, что лучше выспится.

Сегодня была пятница.

— На следующей неделе, — пробормотала она, проходя мимо сумки.

Она уже не помнила, сколько раз обещала себе это.

Она насыпала кошке корм, налила свежей воды и открыла холодильник. Полпачки творога, сыр, вчерашний суп в контейнере. На дверце висел магнит с фотографией моря: сувенир из поездки, состоявшейся несколько лет назад. Там она просыпалась рано, завтракала на открытой террасе и всё время удивлялась, какой длинной может быть первая половина дня, если не потратить её на дорогу в офис.

Алёна разогрела суп. Ела стоя, прислонившись к кухонной стойке, потому что садиться за стол почему-то было лень. Потом спохватилась, поставила миску на стол и всё-таки села.

Из соседней комнаты виднелся ноутбук. На рабочем столе лежал недоделанный короткий ролик: придуманный ею маленький мир с узкой улочкой, фонарями и дождём, сверкавшим на камнях. Вчера ей наконец удалось добиться нужного освещения, и она обещала себе сегодня поправить последние кадры.

Алёна посмотрела на ноутбук. Ей хотелось открыть проект. Хотелось хотя бы на полчаса вернуться туда, где можно менять свет, перемещать камеру, придумывать людям истории. Там тоже не всё получалось, иногда результат доводил

её до бешенства, но в эти часы она обычно забывала смотреть на время.

Сегодня сил не было даже на любимое.

Муся села у её ног, подняв голову.

В ванной ярко горела лампа. Алёна умылась прохладной водой, убрала волосы назад и подняла глаза на зеркало.

Она знала это лицо наизусть. Конечно, знала. И всё же сейчас разглядывала его дольше обычного.

Под глазами залегли тени. Между бровями обозначилась складка, которую она замечала всё чаще. Кожа казалась тусклой, а плечи даже без тяжёлой сумки оставались напряжёнными. Алёна провела ладонью по щеке и вдруг вспомнила, как в двадцать лет боялась приближения тридцати.

Смешно. В тридцать она чувствовала себя молодой, просто очень занятой. В тридцать пять — тоже. Всё собиралась заняться собой, купить абонемент в бассейн, поехать в отпуск не на неделю, а хотя бы на две. Начать высыпаться. Найти время на массаж. Встретить человека, с которым будет приятно делить не только праздники, но и обычные вторники.

Теперь ей было тридцать восемь.

Её испугало не число. И даже не первые заметные изменения в лице. Её испугало, что тело словно давно просило остановиться, а она каждый раз отвечала ему: «Потом».

Голова болела почти каждый вечер. Утром было трудно встать. В выходные она часто не успевала почувствовать, что

отдохнула, прежде чем наступал понедельник. На любимые занятия не оставалось сил, и от этого казалось, будто она сама постепенно становится человеком без интересов.

Алёна посмотрела себе в глаза.

Работу она умела делать хорошо. Это никто не отрицал. Ей доверяли сложные документы, срочные задачи, важные согласования. Если она просила отпуск, её спрашивали, кто будет её заменять. Если задерживалась, благодарили. Если всё успевала, добавляли новое.

А что ещё она умела?

Вопрос прозвучал неожиданно глупо. Конечно, много чего. Она могла сама организовать поездку, разобраться с техникой, придумать целую историю, приготовить вкусный завтрак. Могла выслушать человека, даже когда тот сам путался в собственных словах. Могла работать до ночи и на следующее утро снова приходить вовремя.

И почему-то именно последнее всё чаще казалось главным её достоинством.

Она выключила воду, хотя уже давно ничего не мыла.

В комнате Муся запрыгнула на кровать и улеглась на подушку, которую Алёна обычно оставляла себе. Алёна не стала её сгонять. Села рядом и открыла телефон.

На завтра стояло напоминание: «Разобрать рабочую почту». На воскресенье — «Подготовить документы к понедельнику». Ни одной записи о том, чего она сама ждала от выходных.

Алёна листала календарь назад, рассматривая плотные цветные прямоугольники. Совещание. Отчёт. Согласование. Срочно. Перенесли. Ещё срочнее. Между ними попадались редкие встречи с друзьями, запись к врачу, покупка корма.

Она не могла сказать, что эти годы были совсем пустыми. В них случались хорошие вечера, поездки, интересные знакомства, любимые фильмы. Иногда она смеялась так, что начинали болеть щёки. Иногда просыпалась счастливая без всякой причины.

Просто этих мгновений становилось всё меньше.

Алёна вспомнила свою любимую мысль, которой обычно успокаивала себя после особенно тяжёлого дня: «Сейчас немного потерплю, а потом будет легче».

Она говорила так много лет.

Но когда именно наступит это «потом»?

В сорок? В сорок пять? Когда она накопит достаточно денег? Когда начальство наконец оценит её старания? Когда появится мужчина, который захочет строить с ней жизнь? Когда все вокруг будут довольны и никто не попросит ничего срочного?

Она отложила телефон.

Кошка во сне шевельнула лапой. За окном проехала машина, и по потолку скользнула полоска света.

Алёна ещё раз посмотрела на календарь, потом на спортивную сумку у шкафа. Завтра можно было пойти на растяжку. Или погулять. Или вообще не вставать до десяти. Но

даже эта простая мысль немедленно обросла возражениями: почта, уборка, документы, продукты.

Ей вдруг стало страшно от ясности, с которой она увидела своё будущее. Не плохое, не катастрофическое — просто такое же.

Через год те же поездки в метро. Через пять — те же письма с пометкой «срочно». Через десять — новое отражение в этом зеркале и прежнее обещание начать жить, когда появится время.

— Почему? — спросила она вслух.

Муся приподняла голову, потом снова положила её на лапы.

Алёна не знала, у кого спрашивает. У родителей, которые всегда хотели для неё надёжной жизни? У начальства? У самой себя?

И впервые ей не удалось ответить привычным: «Потому что так надо».

Она выключила верхний свет и осторожно легла рядом с кошкой, оставив ей подушку целиком. Самой пришлось устроиться чуть ниже, зато кошке было удобно.

В понедельник в 4:45 прозвенит будильник. Снова будет работа, и в почте наверняка окажется что-нибудь, что нужно было сделать ещё вчера. Ничего не изменилось.

Но перед сном Алёна открыла заметки и написала одну строку:

«А если я хочу по-другому?»

Она перечитала её и не стала стирать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дом, который ещё предстоит сделать своим

В 4:45 будильник не прозвенел.

Алёна всё равно открыла глаза.

Три недели назад она наконец отключила сигнал, а организм, похоже, об этом не предупредили. Муся спала, положив голову ей на лодыжку. Алёна ещё немного полежала, пока кошка сама не перебралась на свободную половину кровати.

За окном светлело. Начинался май, и по утрам на северном Алтае было так холодно, что в тёплых носках и шерстяном свитере можно было вполне искренне желать ещё один свитер. Алёна спустилась на первый этаж, приготовила завтрак, накинула поверх домашней одежды пуховую жилетку и вышла с кофе на крытую веранду, прихватив плед.

Солнце только поднималось над деревьями. От воды тянуло прохладой, внизу между стволами ещё лежал туман, а на молодых берёзах, выросших вдоль ограды, распускались мелкие светлые листья. Издалека донёсся крик какой-то птицы. Алёна угадала в мелькнувшей над озером тени утку и проводила её взглядом до противоположного берега.

Когда-то она сохраняла фотографии подобного завтрака в папку с красивым названием «Когда-нибудь». На собственных фотографиях тогда чаще всего были чашка кофе в офисе и вид из окна между двумя одинаковыми серыми здани-

ями.

Сейчас на столе стояла тарелка с омлетом, хрустящий хлеб, помидоры и кофе. Она с удовольствием намазала тост сливочным маслом. Есть на воздухе оказалось гораздо приятнее, чем изучать на ходу состав купленного в метро сэндвича, стараясь не испачкать пальто.

А ведь почти полгода назад всё началось с открытой в ночи таблицы расходов. И как же некрасиво выглядела мечта, когда в соседних графах появились отопление, налоги, бензин и ветеринарные услуги!

Первый дом, который ей понравился, продавался вместе с великолепной фотографией незамерзающей зимой реки. В действительности у дома оказался отсыревший фундамент, а река находилась в пятнадцати минутах ходьбы через чужой участок. На втором просмотре Алёна чуть не купила участок с постройкой, право собственности на которую продавец так и не смог подтвердить. После этого она перестала стесняться многочисленных вопросов и обращалась к специалисту перед внесением каких-либо денег.

Эта усадьба нашлась в январе. Прежние хозяева собирались переезжать к дочери. Они сами прожили здесь немало лет, возвели двухэтажный главный дом, гостевой домик, баню, обустроили хозяйственные постройки и провели интернет. В главном доме кухня и гостиная находились на первом этаже, а спальня Алёны — наверху. В первый приезд Алёны стояли морозы. Она приехала не только любоваться засне-

женным озером, но и проверить, как отапливаются оба дома, где проходит граница участка и насколько далеко придётся ехать за лекарствами или продуктами. Отдельно выяснила, во сколько обходится охрана: небольшой служебный домик у въезда и сотрудники, которые посменно находились на территории, были частью уже сложившегося хозяйства.

После проверки документов договорились о предварительном договоре и задатке. Московскую квартиру удалось продать ближе к весне. Расчёт за усадьбу провели через банк, после регистрации перехода права собственности. Алёна не позволила себе потратить на обустройство весь остаток: деньги на несколько месяцев жизни и непредвиденный ремонт лежали на отдельном счёте. В расчёты вошла и подержанная полноприводная машина. Без неё в здешних местах она зависела бы от чужих расписаний почти так же, как прежде от расписания общественного транспорта в Москве.

Шесть месяцев Алёна училась создавать ролики с помощью нейросетей, монтировать, работать со звуком. По вечерам, в выходные, иногда в обеденный перерыв. К моменту увольнения у неё уже были несколько небольших оплаченных проектов и заказчики, готовые продолжать сотрудничество. Доход пока был нестабильным. Она знала, сколько должна зарабатывать хотя бы для того, чтобы не расходовать подушку.

И если через год ничего не получится? Такой вариант тоже существовал. Можно будет вернуться в город, снять квар-

тиру, найти другую работу. Не обязательно прежнюю. Алёна не хотела ставить на кон возможность нормально жить вместе с Мусей. Но жалела бы гораздо сильнее, если бы совсем не попробовала.

Пока же она была здесь. Подставляла лицо редкому утреннему солнцу и пыталась не думать о том, что пора приниматься за дела.

В курятнике поднялась какая-то возня.

— Людмила, только не сегодня, — пробормотала Алёна.

Десять несушек она купила у женщины из соседнего села, которая помогла оборудовать выгул и объяснила, чем кормить птиц и как ухаживать за ними. Петуха заводить не стали: для яиц он не нужен. Алёна немного опасалась, что без петуха куры будут скучать, но хозяйка, передавая ей последнюю рыжую несушку, сказала, что с этой ей скучать точно не придётся.

Рыжую назвали Людмилой.

Настоящее устройство власти в курятнике выяснилось в тот самый день, когда Алёна впервые посеяла под плёнкой редис и укроп. В самой дальней части выгула под сеткой оставался небольшой зазор. Людмила нашла его за два часа. Сегодня она вырвалась из выгула прежде, чем Алёна успела поставить поилку, и уже направлялась к грядке.

Поймать её удалось только с помощью горсти зерна. Если бы в Москве Алёне сообщили, что однажды её первое утреннее совещание будет посвящено переговорам с курицей, она

бы не поверила.

Она закрыла лаз доской, собрала яйца в корзинку и пошла к сараю за инструментами. С его дверью давно нужно было что-то сделать: нижний угол просел и при открывании цеплялся за землю.

Внутри стоял знакомый запах пыли и старых досок. Под потолком торчали концы рыболовных удилищ и рассохшихся лыж. За грудой перевёрнутых ящиков угадывалась спинка детской кровати, на полке пристроился глобус, расколотый где-то посередине Тихого океана. В самом дальнем углу виднелось нечто большущее, накрытое выцветшим одеялом; Алёна пока даже не выяснила, что под ним.

Прежние владельцы, судя по всему, проповедовали идею абсолютной ценности каждой вещи. Если предмет переставал быть нужен в доме, начиналась его вторая, гораздо более продолжительная жизнь в сарае. Алёна подозревала, что половину содержимого не видели даже сами хозяева.

Она мечтала сделать здесь мастерскую. У окна можно поставить большой стол, рядом устроить место для глины и инструментов, а в другой половине — столярную зону. Обжиг, правда, потребует отдельного безопасного места, вентиляции и проверки проводки. Пока всё это оставалось на бумаге. Для начала предстояло хотя бы добраться до окна.

На краю полки обнаружилась фарфоровая чашечка с тонкой золотой каёмкой. Алёна сняла с неё налипшую паутину. Чашечка оказалась целой. Она взяла её с собой: вот первый

предмет, который удалось спасти от переселения на свалку.

Через двор от главного дома стоял небольшой гостевой коттедж. Из спальни открывался вид на лес, из гостиной можно было выйти на собственную террасу. Здесь имелись и душевая с туалетом, и маленькая, вполне удобная кухня с плитой, холодильником и раковиной. Над столешницей сохранились открытые деревянные полки. Алёна поставила на них посуду, чайник, банки с чаем и кофе. Обновила текстиль, проверила отопление и горячую воду. Когда домик будет готов к приёму гостей, его можно будет сдавать тем, кому хочется на несколько дней выбраться из города. Плата за проживание пригодится хозяйству — расходов здесь оказалось больше, чем представлялось зимой.

Она примерила найденную чашечку к полке. Слишком маленькая для её обычной порции кофе, зато красивая. Оставила её в главном доме.

К обеду небо затянулось, и через несколько минут по крыше застучал дождь.

Ролик длился двадцать восемь секунд. Алёна работала над ним четвёртый день.

Заказ поступил от маленького бренда чая. Утреннее окно, стол, солнечный свет, чашка с паром. Оказывается, всё это можно уместить в три строки технического задания и несколько сотен неудачных попыток. Вчера пар почему-то стелился по столу, а однажды чашка прямо в руках героини превратилась в чайник. К этому она уже относилась с юмо-

ром. Настоящее раздражение вызывали те кадры, в которых почти всё было идеально, за исключением одной мелочи, которую зритель, возможно, даже не заметит.

К полудню получился красивый, неторопливый фильм. Девушка распахивала окно, лёгкое движение занавески сменялось крупным планом её рук и тёплым светом на деревянном столе. Алёна сама с удовольствием оказалась бы внутри этого утра.

Ответ пришёл быстро.

«Очень атмосферно, но нам нужно более динамично. И хотелось бы, чтобы продукт был больше в кадре».

Она прочла письмо ещё раз. Удовольствие от фильма исчезло. Появилось почти физическое желание открыть проект и переделать всё — не потому, что заказчице нужны были определённые изменения, а потому, что теперь собственное видео казалось Алёне ужасным.

Она даже успела написать «Конечно, сегодня пришлю исправленный вариант», но вовремя заметила дату сдачи. До неё оставалось два дня. Прежняя привычка немедленно компенсировать любое недовольство другого человека отчего-то переехала на Алтай вместе с ней.

Алёна уточнила у клиентки, какие планы упаковки та хотела бы видеть, пообещала отправить монтаж завтра и закрыла ноутбук. В обед приготовила горячие бутерброды и включила серию китайской дорамы, которую последние два вечера не успевала досмотреть. Герой уже двадцать четыре

серии молчал о своих чувствах, но в этой наконец поправил на героине плащ так, что Алёна, к собственному смущению, заулыбалась.

Зазвонил отец. Она поставила сериал на паузу.

— Как ты там, дочь? Не мёрзнешь?

— Сегодня холодно, но в доме хорошо. Смотри, покажу кое-что.

Алёна повернула камеру к окну. После дождя берег на несколько минут осветило солнце.

— Видишь? Представляешь, вот так каждый день. Иногда туман буквально подходит к дому. Я даже хочу снять маленький фильм, когда пойму, в какое время свет здесь лучше всего.

Отец посмотрел с интересом.

— Красиво, конечно. Слушай, я насчёт работы хотел поговорить. У меня знакомый магазином владеет, ему нужен человек с документами. Говорит, можно часть делать удалённо.

— Пап, я же больше этим заниматься не хочу.

— Ну это не то, что у тебя было. И деньги нормальные, стабильные.

— Я понимаю. Спасибо, что обо мне думаешь. Но у меня не для того ушло полгода на учёбу, чтобы я сейчас опять занялась тем же самым. Мне даже нравится то, что я сейчас делаю.

— Заказы-то постоянные?

— Пока нет. Если станет совсем туго, буду решать. Но сейчас хочу попробовать.

Он помолчал.

— Ну ладно, мы ещё к этому вернёмся. А резину на машине поменяла?

Алёна засмеялась. Вот в этом отец был весь. Она рассказала ему, что вопрос с шинами решён, расспросила про маму и дачу. После звонка ещё некоторое время чувствовала досаду. Как же хотелось хотя бы однажды услышать от родителей: «Как здорово, что у тебя получилось!» Не обязательно верить в её профессию, не обязательно понимать. Просто порадоваться вместе с ней.

Она посмотрела на застывший кадр сериала и решила, что досмотрит его вечером. Небо прояснялось на западе. После дневного дождя лес особенно сильно пах землёй и хвоей. Алёна выбралась за калитку и спустилась к озеру.

С дальней стороны ещё ворчал гром. Низкие раскаты отчётливо доходили до неё, отдаваясь где-то глубоко в груди. На воде лежала полоска света, за которой следовала движущаяся граница дождя. Алёна присела на берегу, чтобы снять несколько секунд этого зрелища. Камера не передавала всех оттенков. Она опустила телефон и просто смотрела, как ветер вздымает мелкую рябь, а из-за тёмного облака понемногу выбирается солнце.

К вечеру настроение улучшилось. Новая версия ролика получалась бодре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.